

К.Лукашевич

Из деревни...

(Акуля)

Повесть

I

Холодный, хмурый день поздней осени. Ревет ветер, срывает желтые листья, поднимает пыль столбом... Свинцовые тучи заволакивают небо. По проселочной дороге плетется одинокая путница с небольшим узелком за плечами, - плетется она тихо, печально опустив голову.

Путница взошла на гору и остановилась, спустила узелок с плеча на траву около камня и обернулась в ту сторону, где вдали под горою раскинулось село, блестел крест сельской церкви, виднелись скромные могилы. Крупные слезы одна за другой так и покатились по лицу девушки.

Она была очень молода, одета в синюю деревенскую поддевку, пестрый сарафан, сапоги с подковами и ярко-красный с зелеными разводами платок на голове. Полное, румяное, миловидное лицо девушки было заплакано и выражало затаенную грусть. Она стала креститься порывисто и скоро...

- Прощай, матушка родимая, прощай, батюшка-кормилец... Гляньте, родненькие, с того света на свое дитяtko, благословите сироту в путь-дорогу... - певуче причитала девушка. - Ох, горько покинуть вас... Прощай, родная сторонка... - Девушка припала к земле, плакала и целовала ее.

Ветер ревел и злился сильнее. Одинокая путница снова поплелась по дороге. Гора скрыла от нее и село, и погост, а впереди дорога узкой полосой уходила в лес.

Вот загромычала телега, вдали показалась пегая лошаденка, проехал старик на возу сена... Путница на ходу молча поклонилась ему в пояс...

Старик проехал было мимо, но, спохватившись, попридержал лошадь.

- Эй, красавица!.. Поди-кось ко мне, милая... Никак Акуля Петрушихина?

Девушка вернулась.

- Да, дедушка Мирон. Я самая.

- Не признал, касатка, не серчай... Стар, плохо вижу...

- Ничего, дедушка.

- В Питер идешь, болезная?

- Иду, дедушка... Боязно, знаешь, - голос девушки задрожал.

- Терпи, девонька... Не убивайся... Бог не оставит.

- Терпела я немало в братнем доме, дедушка Мирон, терпела... Слыхал, поди, какое было мое житье!

- Что делать, Акуля... Крутая у вас невестка-то, нравная, Господь с ней. - Старик задумался.

- Не помню я зла... Племянников жаль: всех их выходила... Болит сердце-то по ним... - Акуля заплакала.

- Не тумань ясных очей... Придут и красные дни. Береги себя... Помни, на какое житье благословили тебя родители...

- Разве можно забыть, дедушка! - промолвила тихо Акуля.

- Богобоязненные твои родители, Акуля, редкие, можно сказать, люди по нынешним временам!

- Да, у батюшки с матушкой знала я ласку да тепло, а теперь увидала одно горе да слезы... Ох, тяжело, дедушка, сироте. Сердце так и ноет, так и сосет...

- Не крушись, дитяtko! Царица Небесная - твоя заступница! Есть на свете и жалостливые люди... Надоумят, помогут...

- Спасибо, дедушка Мирон, на добром слове... Будто и на душе полегче стало...

- Я что ж... я тебя жалеючи, милая...

- Вот, дедушка... как с господами-то я речь поведу? Боязно!..

- Не чуждайся господ, касатка... Говори таково ласковенько, скромненько...и ладно будет...

- Боязно!!! Господа не нам чета, - вздохнула Акуля и покачала головой.

- Как же ты доберешься, Акуля?

- Да по чугунке, дедушка... Может, земляков ветречу... Добрых людей поспрошу... Сказывают,